

Журбина Е. И. Искусство очерка / Е. Журбина. – Москва, 1957. – С. 197-199.

Приведем еще пример — очерк В. Тендрякова «Ненастья». Дела колхозного строительства и люди, осуществляющие их, как бы выхвачены из жизни в один острый момент.

Продолжать или не продолжать сев в условиях ненастья, непрекращающихся дождей? — вот вопрос, которым заняты председатели колхозов, бригадиры, колхозники и руководство района. То, как ответили на этот вопрос разные по своему характеру и своей социальной ценности люди, характеризует их.

Читателю предоставляется возможность решить вопрос, кто из них оказался на высоте и кто показал свою несостоятельность, а также сделать более широкие выводы о людях, о их человеческом и социальном достоинстве, о том, какие кадры нужны сейчас и как много зависит от идейной твердости и живой мысли человека.

В очерке показано, как живое творческое начало, живая мысль и живое чувство кровной заинтересованности в существе дела побеждает формальное, бюрократическое равнодушие, выступающее под маской активного служения государственным планам (если снять эту маску, то за ней окажется честолюбивая самоуспокоенность и честолюбивый расчет).

За продолжение сева, несмотря на то, что ненастье смывает труд людей, секретарь райкома Нил Степанович Глухарев. Соображения его глубоко честолюбивы. Необходимо выполнить план сева, для того чтобы подать в обком соответствующие «победные» сводки. «Секретаря райкома меряют по району. Хороши дела в районе — хорош и секретарь, плох район — вспомнят не только, в чем виноват сегодня, но и прошлые грехи, это уж непременно», — рассуждает он сам с собой.

«Прошлый грех» — обвинение в зажиме самокритики — делает Глухарева особенно настороженным к формальной стороне дела, в особенности глухим (не отсюда ли и фамилия?) к существу дела. Он не прислушивается к мнению тех деятелей колхозной жизни, которые утверждают, что сеять сейчас, в ненастье, значит преступно губить семена и время. Урожай все равно не будет. Это говорит противостоящий в очерке Глухареву председатель колхоза Андрей Малютин — неказистый внешне, скромный человек, недавно ставший во главе захудалого, «неказистого» колхоза. Он исходит из простого и глубокого соображения: «План ради плана — на что нужна такая работа? Нам нужен план для жизни, а жизнь наша — хороший урожай!» Он предлагает временно отступить перед ненастьем, до осени не сеять, а осенью наверстать посевами озимых.

Андрей Малютин настаивает на своем праве мыс-

лить самостоятельно и самостоятельно решать кровные вопросы, связанные с урожаем.

Глухарев предлагает выполнять «по готовому решению». Он «глушит» творческое начало в жизни доверенного ему района.

Среди героев очерка Тендрякова есть и такой председатель колхоза, на которого может спокойно опираться руководитель типа Глухарева. Это Ложечников. Он выбирает спокойную позицию: «Укажут сверху — будем делать». Ему не жаль человеческого труда, не жаль семян. Это чувствуют колхозники его колхоза; не к нему, а к его заместителю идут они со своими нуждами.

Не одинок и Малютин, у него живые крепкие связи с колхозниками, их интересы он защищает, и отношение к нему иное, нежели к Глухареву и Ложечникову.

Губительный формализм Глухарева приводит к урожаю. На расширенном заседании райкома Малютин поднимает вопрос о превращении планов в мертвые цифры, о мертвых планах, составляемых с благими намерениями, о необходимости хозяйского подхода к планам.

Победа Малютина, таким образом, подготовлена всем ходом сюжета. Читатель не нуждается в заключительном сообщении о снятии Глухарева или Ложечникова. Вместо этого дано горестное раздумье Глухарева о том, как это случилось, что комсомольское горение на работе заменилось «исполнением обязанностей», и позднее — робкое еще понимание того, что «где-то и своим умом жить приходится».

Таким образом, мы видим: очерк не документальный, очерк, берущий за основу обобщенный фактический материал, иначе строится, хотя и сохраняет свою исследовательскую и публицистическую направленность.

Метод сопоставления типов заставляет автора сталкивать героев в острых конфликтах, в несхожести мнений, поступков, речей.

Мы неоднократно говорили, что для очерка характерна открытая, организующая роль авторского «я», некоторая даже прикованность к авторскому «я»: это